ность, в какой бы культурной традиции ни были они созданы. Немецкий идеализм **может** быть и **будет** интеллектуально и культурно значим в России как пролегомены к христианской метафизике духа. Киреевский и в самые первые годы, и в последние дни своей жизни искренне утверждал поэтому, что первым шагом к самобытной философии всего удобнее может быть присвоение "умственных богатств" Германии, "которая в умозрении опередила все другие народы"[121], – или, как он формулировал эту же мысль позже, когда оценка поздней мысли Шеллинга дала ему возможность окончательно расставить в ней все необходимые акценты: "философия немецкая в совокупности с тем развитием, которое она получила в последней системе Шеллинга, может служить у нас самой удобной ступенью мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному, соответствующему основным началам древнерусской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума"[122].

"...СЛУЧАЯМ ЕДИНОМЫСЛИЯ БЫВАЮ ВСЕГДА РАД..." ПЕРЕПИСКА Н.П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И Т.И. ФИЛИППОВА*

Предисловие к публикации

А.П. Дмитриев

Сохранилось совсем немного писем, которыми успели обменяться за свою сравнительно долгую жизнь видные представители консервативной мысли второй половины XIX в. москвич Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) и петербуржец Тертий Иванович Филиппов (1825–1899) – в общей сложности их четырнадцать, да и едва ли намного больше было и написано. Возможно, в силу такой эпизодичности их эпистолярное общение, соединявшее две российские столицы, подчас сверх меры насыщено любопытными оценками современных им событий и людей и попутными

---

[121] *Киреевский И.В.* Обозрение русской словесности за 1829 год. С. 37.

[122] *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии. С. 247–248.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: проект 08-04-00106а.

экскурсами в историю – даже в тех случаях, когда иной раз запрос или ответ на него ограничиваются рамками краткой записки. Потому, в свою очередь, эти письма сегодня требуют обстоятельного комментария. А свойственное их авторам стремление, так сказать, историософски проживать факты быстротекущей жизни, осмыслять их в перспективе грядущих судеб России и мира, а то и заглядывать за эсхатологические горизонты – не дает их эпистолярию (наравне, впрочем, с другими сочинениями – прежде всего непосредственно историко-философской и богословской проблематики) утратить читательскую актуальность. Потому и введение в научный оборот такого рода материалов всегда насущно.

Исследователи редко обращались к этим интересным письмам, хотя и не могли вовсе пройти мимо: ссылки на них или небольшие цитаты все же появлялись в литературе[1]. Нами же впервые в полном объеме публикуются все известные на сегодня тексты, включая и некоторые примыкающие к ним по содержанию образцы переписки Гилярова[2] и Филиппова с другими лицами.

Познакомились они, по всей видимости, году в 1855-м, когда славянофилами замышлялся журнал "Русская беседа". На склоне лет, 2 ноября 1886 г., Гиляров писал своему ученику, публицисту И.Ф. Романову-Рцы: «Когда славянофилы основывали журнал ("Русскую беседу" и еще ранее, когда торговали "Москвитянин"), меня они предлагали поставить во главу...»[3] Как известно, первым редактором тогда стал не Гиляров, а Филиппов, за которого как за помощника (соиздателя) А.И. Кошелёва ратовал И.В. Киреевский ("Для журнальной деятельности это клад"[4]), но чья кан-

---

[1] Выделяется на этом фоне статья О.Л. Фетисенко "Н.П. Гиляров-Платонов, Т.И. Филиппов и К.Н. Леонтьев в их жизненных и литературных взаимоотношениях" (Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: сб. ст. и материалов / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева. Коломна, 2007. С. 98–118). Здесь на двух с половиной страницах приведены некоторые выдержки из писем Гилярова и Филиппова, перечислены основные их темы. Выражаем благодарность О.Л. Фетисенко, предоставившей в наше распоряжение выполненные ею копии трех автографов (одного белового и двух черновых) гиляровских писем к Филиппову из фондов Государственного литературного музея (ГЛМ), учтенные при подготовке настоящей публикации.

[2] В дальнейшем фамилия Гилярова-Платонова употребляется нами усеченно, – как это было принято в XIX в. – без "стипендиатской прибавки" митрополита Платона (Лёвшина), которой Гиляров удостоился, обучаясь в Московской духовной академии.

[3] "Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...": (Письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рцы) // Возвращение Гилярова-Платонова: сб. ст. и материалов. С. 248.

[4] Письма И.В. Киреевского к А.И. Кошелеву / Сообщ. М.В. Беэр // Русский архив. 1909. Кн. II, вып. 5. С. 106.

дидатура мало устраивала других славянофилов, так как церковно-общественные взгляды Филиппова казались им слишком косными, если не сказать – ретроградными[5]. А вот убеждения изгнанного из Московской духовной академии (в том же 1855 г.) свободомыслящего Гилярова вполне отвечали принципиальным мировоззренческим установкам славянофилов. Однако плану сделать его ответственным редактором затевавшегося журнала не суждено было реализоваться – главным образом из-за возложенных на него с мая 1856 г. цензорских полномочий (Гиляров, впрочем, поместил в "Русской беседе" девять статей и одно время был ее цензором).

Впоследствии Филиппов переехал в Петербург и сделал блестящую чиновничью карьеру по ведомству Государственного контроля, которое в 1889 г. и возглавил. Гиляров же, напротив, пройдя последовательно поприща цензора, чиновника особых поручений при Министре народного просвещения и, наконец, управляющего Московской Синодальной типографией, в августе 1868 г. навсегда оставил службу, незадолго перед тем, в декабре 1867 г., основав первую московскую ежедневную газету "Современные известия"[6].

Именно с публицистической деятельностью Гилярова и связано было возобновление давнего знакомства: в октябре 1872 г. Филиппов откликнулся на одну из передовиц своего приятеля о греко-болгарской церковной распре, сочувственно ее процитировав в своей статье "Определение Константинопольского собора по вопросу о Болгарском экзархате", опубликованной в "Гражданине" Речь шла о драматическом моменте в жизни Болгарской православной церкви, добивавшейся автокефалии от Константинопольского патриархата, зависимость от которого возникла в конце XIV в. в связи с потерей Болгарией государственности (без каких-либо церковно-юридических мотивировок), и действия которого в XIX в. во многом диктовались идеологией панэллинизма. Русская церковь заняла выжидательную позицию, призывая конфликтующие стороны к разумному компромиссу. В 1870 г. османское правительство приняло решение прекратить

---

[5] Гиляров, очевидно, изначально относился к Филиппову иначе: в своем письме к профессору Московской духовной академиии А.В. Горскому от 4 октября 1856 г. он причислил Филиппова к представителям "оптинского" православия – подлинной церковности, отвергающей мертвенный формализм и одухотворяющей народно-бытовую жизнь во всех ее проявлениях (см.: Русское обозрение. 1896. Т. 42, дек. С. 997).

[6] Подробнее см.: *Дмитриев А.* Н.П. Гиляров-Платонов и его газета // Москва. 2008. № 5. С. 209–215.

спор, издав фирман об учреждении особого церковного округа – Болгарского экзархата; Константинопольский патриарх объявил этот фирман неканоничным и высказался за созыв Вселенского собора по Болгарскому вопросу, но это предложение было отклонено Русской церковью, советовавшей Константинополю принять фирман.

Все же Филиппов усмотрел в этих событиях нарушение основополагающего соотношения между национальным и вероисповедным: во Христе "нет ни Еллина, ни Иудея..." (Кол. 3: 11) – и проявление апостасийного духа буржуазно-либерального времени. Он будет упрекать Гилярова и спустя 13 лет, в письме от 16 апреля 1885 г.: "Мне одно больно видеть в Вашем образе мыслей: в тех случаях, когда два начала – церковное и племенное – входят в столкновение, Вы отдаете перевес низшему над высшим и чрез то впадаете в общий недуг нашего времени, *порабощенного* идеей народности до забвения того, что выше ее". Гиляров же это обвинение легко переадресовывал своему приятелю-оппоненту: "...еще нельзя судить, – писал он в издававшейся им газете сразу же по прочтении в филипповской статье 1872 г. скрытых упреков в свой адрес, – кто правильнее подпадает под осудительное определение: болгары ли, желавшие себе возврата древней церковной самостоятельности, или патриархат, отказывавший им в этом по пристрастию к греческой *национальности*"[7]. Гиляров, свободный от отвлеченной доктринальности и куда более профессионально, нежели Филиппов, вникавший в церковно-исторические проблемы, видел и другую сторону медали – нетерпимое засилье в Болгарии греческого духовенства, которое выразилось, например, в вытеснении церковнославянского языка из богослужения и стало тормозом для национального возрождения страны. Гиляров при этом тоже ссылался на Новый Завет: "И апостол не проповедовал в Риме по-еврейски и к фессалоникийцам не писал по-латыни" (там же). Тут на первый план, как всегда у Гилярова, выдвигаются нравственно-практические мотивировки. Сближало Филиппова и Гилярова общее требование ими Вселенского собора, на котором могли бы быть решены, между прочим, и проблемы Русской церкви, получившей в Петровскую эпоху, по их убеждению, недолжное устройство.

Эти смелость в суждениях и стремление к выяснению истины, что называется, в последней инстанции и провозглашению ее во всеуслышание берут начало, на наш взгляд, еще в задушевной

---

[7] ⟨*Гиляров-Платонов Н.П.*⟩. Москва, 16 октября // Современные известия. 1872. № 286, 17 окт. С. 1.

атмосфере московской общественной жизни второй половины 1850-х годов, исполненной молодых славянофильских надежд на лучшее, в частности – на то, что народу (или "земле", согласно исторической концепции К. Аксакова) будет наконец-то предоставлено "полное право мнения и слова"[8]. Позднее, в пореформенные годы, как справедливо отмечал Н.И. Цимбаев, именно Гилярову "была отдана" "философская часть" славянофильского учения[9]. Можно добавить, что и Филиппов, хотя его и не принято напрямую причислять к последователям славянофилов, тоже развивал в своей публицистике 1860–90-х годов их мировоззренческую проблематику, особенно ее религиозно-общественные аспекты.

В первых письмах нащупываются и другие точки соприкосновения, прежде всего по готовившейся тогда реформе духовного суда. Любопытно, впрочем, что, высказываясь по этому вопросу в "Современных известиях", Гиляров, к слову, будто бы давал урок приятелю, остававшемуся все-таки дилетантом в своих попытках безапелляционного решения сложных проблем канонического права с помощью ссылок (убедительных только на первый, поверхностный взгляд) на те или иные церковные правила, поскольку последние не обладали вневременной непреложностью: "Защитники епископского полновластия совершают ⟨...⟩ подмен, когда под именем правил церковных подставляют в виде указаний государству то, что было применением к государственным же требованиям, только требованиям иных времен и народов. Прежде чем прибегать за охраною епископского самовластия к поспешным ссылкам на церковные законы, необходимо было еще разъяснить себе, что в церковных законах принадлежит прямо церкви, что ее государственному положению; что к церкви безразлично и что, напротив, есть даже выражение внешнего гнета, остающегося, может быть по преданиям языческого права, в христианском государстве"[10]. Впоследствии, уже в середине 1880-х годов, сходные упреки Гиляров будет адресовать Вл. Соловьеву и К. Леонтьеву[11].

За обменом письмами в 1872 г. последовало десятилетнее молчание. Почему же переписка возобновилась, и именно в начале 1882 г., став при этом довольно оживленной? Дело в том, что

---

[8] *Аксаков К.С.* Полн. собр. соч.: ⟨В 3 т.⟩. М., 1861. Т. I. С. 296.

[9] См.: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории рус. обществ.-полит. мысли XIX в. М., 1986. С. 78.

[10] *Гиляров-Платонов Н.П.* Вопросы веры и Церкви: ⟨В 2 т.⟩. М., 1905. Т. 1. С. 309.

[11] См.: Современные известия. 1885. № 43, 14 февр. С. 2; № 245, 24 сент. С. 2.

Гиляров в продолжение длительного периода имел преданного друга и неустанного ходатая по своим служебным и издательским делам, обретавшегося в петербургских коридорах власти, – в лице К.П. Победоносцева, тоже приятеля со времен "Русской беседы"[12] (по-настоящему сблизились они осенью 1860 г.). Победоносцев в 1870-х годах регулярно встречался с влиятельными петербургскими сановниками, дабы склонить их на сторону Гилярова, уберечь его издание от цензурных кар либо ослабить их действие (сообщениями обо всех этих хлопотах полна их переписка – в разных архивах сохранилось около ста писем)[13].

Однако вскоре после того, как Победоносцев в 1880 г. возглавил Св. Синод, началось охлаждение в их отношениях и он уже не только не выручал Гилярова из цензурных ловушек, а порой и сам предлагал начальнику Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистову объявить "Современным известиям" предостережение либо запретить их розничную продажу[14].

Во взаимоотношениях же Филиппова и Победоносцева, особенно начиная с 1880-х годов, как известно, преобладали интриги и мелкое самолюбие[15]. И словно бы в пику своему сановному недоброжелателю теперь Филиппов становится деятельным заступником Гилярова в его невзгодах: хлопочет перед руководством Государственного банка о предоставлении ему кредита на выгодных условиях, ходатайствует о разрешении ему издавать бесцензурную иллюстрированную газету ("Радуга"), даже помогает найти в Петербурге дельного корреспондента для "Современных известий", а незадолго до кончины приятеля всячески обнадеживает его, поддерживая его кандидатуру в качестве преемника М.Н. Каткова на посту редактора-издателя "Московских ведомостей". Но главное, как и некогда Победоносцев, Филиппов делается словно бы Ангелом-Хранителем гиляровской газеты, предотвращая цензурные репрессии или ослабляя их силу, причем усматривая в этом не более не менее как дело "государственной

---

[12] Как известно, в 1859 г. Победоносцев опубликовал здесь четыре стихотворения на религиозно-нравственные темы и статью по юриспруденции.

[13] Подробнее см.: *Дмитриев А.П.* К.П. Победоносцев – приятель, оппонент, издатель Н.П. Гилярова-Платонова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек: мат. Междунар. юбил. науч. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева, С.-Петербург, 1–3 июня 2007 г. СПб., 2007. С. 127–136

[14] См.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 517, 524 (письма Победоносцева к Феоктистову от 3 апреля 1885 г. и 16 января 1887 г.).

[15] См. об этом: *Алексеева С.И.* К.П. Победоносцев в оценке Т.И. Филиппова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. С. 120–126.

важности" Филиппов признавался в письме к другу от 16 апреля 1885 г.: "Кроме личного моего участия к Вам, я дорожу Вашим изданием, как прибежищем пригнетенной истины в делах Церкви, которая из глубины потопляющих ее зол вопиет к нам о помощи, обязательной для чад во дни бедственных испытаний Матери".

Особенно же, как видно из переписки, сблизил их эпизод со временной приостановкой "Современных известий" в апреле 1885 г., причем не на месяц, как первоначально распорядился министр внутренних дел гр. Д.А. Толстой, а – благодаря заступничеству Филиппова – с сокращением этого срока наполовину. В трагическом эпизоде избиения тбилисским семинаристом своего ректора как Гиляров, так и его корреспондент увидели проявление остро ощущавшегося ими духовного кризиса. Помимо многолетней безнравственно-жесткой политики синодальных властей по отношению к Грузинской церкви[16], вызывали особое неприятие неразумные русификаторские действия отдельных архиереев на этой и некоторых других имперских окраинах: тут подчас взамен любви и свободы культивировались далекие от христианства духовное насилие и угнетение.

Пунктирно в переписке 1880-х годов возникают и новые темы для обсуждения, только подтверждающие существенное единомыслие Гилярова и Филиппова во взглядах на современную жизнь: оба отторгают утилитарную педагогику барона Н.А. Корфа, внеположную религиозно-национальным традициям; сокрушаются о "падении духовенства", сосредоточившегося на вопросах материального благополучия (или, как это было принято тогда называть, – "улучшения быта"), и о "слепоте и упорстве в заблуждениях" "стоящих у кормила"; об опасности из-за сиюминутных политических амбиций разрыва вековых связей с братскими церквами (в частности, с Константинопольским патриархатом в апреле 1885 г.); о курьезах нового Университетского устава и др. Краем касаются и болезненного "еврейского вопроса", причем в эсхатологическом плане ("жиды" как "могущественнейшее орудие разложения христианских общежитий"), и проблемы развращающего влияния либерально-буржуазной прессы. Наиболее они были близки в своих требованиях – во искупление исторической несправедливости – официальной легализации старообрядчества и более продуманной государственной политики в отноше-

---

[16] Развернутую гиляровскую оценку этой проблемы см.: *Р.С.Т. ⟨Гиляров-Платонов Н.П.⟩.* Грузинская церковь под управлением Правительствующего Всероссийского Синода // Р.С. Т. Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева. Лейпциг, 1887. Вып. 1. С. 114–124.

нии к единоверию, но эти важные темы остались за пределами их переписки. При этом оба собеседника – и противник каких-либо схем и застывших догм Гиляров, и склонный к некоторому, так сказать, начетничеству Филиппов, – как правило, деликатно избегают моментов несогласия, обходят острые углы, дорожа объединяющими их "случаями единомыслия".

Подобно всем другим эпистолярным текстам, принадлежащим перу Гилярова и Филиппова (к сожалению, они пока еще в незначительной своей части введены в научный оборот), их двусторонняя переписка представляет важный материал как для изучения жизни и творчества этих мыслителей, так и для исследования ряда неоднозначных проблем общественно-политической и духовно-нравственной жизни России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСКА Н.П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И Т.И. ФИЛИППОВА

1

Гиляров – Филиппову[1]

Милостивый Государь
Тертий Иванович!

Пользуюсь поездкой одного из близких моих[2] в Петербург, чтобы благодарить Вас за сочувственный отзыв, прочтенный мною в "Гражданине"[3]. Но Вы не совсем верно выразились, что *только теперь* начинают сознавать пользу собора. Не виню Вас, потому что Вам не было случая следить; но точка зрения, на которой я стою, мною высказана еще в 1869 году, если не в 1868[4]. Помимо всего, собор нужен *для нас*; для нас более чем даже для решения восточных дел. Реформы духовного ведомства идут по дурному пути; я бы сказал – по худшему, чем когда[5] они шли. Читал я о проекте судебной реформы[6]. Не видал я его целиком. Но вижу, что здесь совершается колоссальный подмен понятий. Всероссийским собором величают собрание 12 архиереев[7]. Однако кем назначенных? – спрашиваю я.

Мне приятно было бы, если б Вы прочитали мои мысли о разных затеях судебной реформы, которые высказывал я и в прошлом, и в нынешнем году[8]. Надеюсь и еще поговорить[9]. Но что?